
наибольшим потенциалом «приспосабливаемости» к характеру субъекта восприятия; в-третьих, по закону системы четвѐй книжности Типикона, не должна была касаться догматики и сложных вопросов вероучения, а потому была наиболее свободна и разнообразна в изобразительных средствах.

К дидактической агиографии мы относим 1) агиоэтографию⁵⁹ или собственно дидактику; 2) агиобиографию (житийную книжность минейного и патерикового типов); 3) агиоисториографию, которая объединяет в себе как собственно летописание, так и вообще назидательные повествования исторического характера; сюда же примыкает и патерикография в своей «нежитийной» части; 4) агиотопографию, каковая в методе типологической экзегезы представлена жанром хождения; 5) агиокосмографию (куда относим шестодневны, физиологи и т. п.).

Установленные категориальные дефиниции жанра в поэтике канонического христианского искусства обосновывают описанную Д. С. Лихачевым «жанровую систему» средневековой восточнославянской книжности. Система эта удивительнейшим образом сочетает абсолютную непреложность ее закона, с одной стороны, когда «изменение одного какого-либо элемента... влечет за собой»⁶⁰ — нет, не «создание новой системы», так как закон остается тем же, а меняются лишь «условия задачи», — но к существенным и к тому же прогнозируемым изменениям в жанрах; и полную творческую свободу художника, с другой, когда книжник не только может, но должен всякий раз модифицировать тот или иной жанровый канон так, чтобы точно «попасть жанром» в своего адресата.

⁵⁸ Левшин Л. В. Проповедь как жанр средневековой литературы (на материале проповедей в древнерусских рукописных и старопечатных сборниках). Диссертация канд. филологических наук. С. 50–76.

⁵⁹ От греч. *ethos* — обычай, характер, нрав.

⁶⁰ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили // Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 160.

О. Б. Хабарова

ОБРАЗ СВЯТОЙ МИРЯНКИ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ В ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

«Житие Юлиании Лазаревской» — сочинение её сына Калистрата (Дружины) Осорьина, созданное им в первой трети XVII в. — было популярно не только в средневековой рукописной традиции¹, но и в культуре и литературе Нового времени. К тексту этого оригинального древнерусского памятника обращались и в XIX, и в XX в.

В исследовании «Святые Древней Руси» Г. П. Федотов указывает на то, что почитание святой Юлиании растет «в связи с литературным распространением ее жития, популяризированного многими русскими писателями»². Однако ученый не называет, кто эти «многие писатели».

¹ См.: Руди Т. Р. Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII–XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 204–214. Исследовательница провела подробный анализ памятника XVII в. в монографии: «Житие Юлиании Лазаревской» (Повесть об Улиании Осорьиной) / Исследование и подготовка текстов Т. Р. Руди. СПб., 1996. Ею опубликованы тексты Краткой, Пространной, Сводной редакций. Пространная редакция атрибутируется Дружине Осорьину, хорошо знавшему Священное Писание и образцы агиографических сочинений, он цитирует Косму Пресвитера, апостольские послания, Притчи Соломона. Авторский вариант открывается традиционным вступлением, в котором агиограф славословит Бога, «Трисоставную и единосущную и неразделимую Святую Троицу». Он молит Всевышнего «дать ему слово во отвержение уст», чтобы поведать «о подвигах своей святой и праведной госпожи родительницы». Пространная редакция включает все топоры традиционного жития.

² Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 220.

Образ муромской праведницы Улянии Устиновны Осорьиной, живущей по евангельским заповедям в миру, а не в монастыре, творящей добрые дела «ближним и дальним», несет в себе высокую духовность. За свое постничество, молитвенность подвижница терпит насмешки от тетки, сестер и «рабов». Она неизменно кроткая, молчаливая, «невеличаявая». Главная ее черта — доброта. Подобно «прежним святым» Юлиания — «земной ангел». Пережив бесовские искушения, она выходит победительницей в извечном противостоянии добра и зла. На помощь Юлиании приходит Николай Угодник, святой, особо почитаемый русским православным миром. От жизненных невзгод она не унывает, а даже остается «весела», как говорит автор XVII в. К лику святых впервые причислена женщина-мирянка за трудолюбие, сострадание, любовь к ближнему. Эта деятельность сакрализуется в житии.

Перед нами идеальный женский характер, мимо которого не могли пройти писатели второй половины XIX в., обратившись в поисках нравственного идеала к темам, сюжетам и образам древнерусской литературы.

В литературный процесс XIX в. «Житие Юлиании Лазаревской» входит по-разному. А. Н. Островский и Л. Н. Толстой отражают этот памятник на образном уровне. Почти совсем неизвестная нам писательница XIX в. Е. С. Некрасова идет иным путем. Она упрощает древнерусское произведение, пытается излагать его «простым языком», разрушает стилистику Жития. Однако и для больших мастеров слова, и для второстепенной писательницы привлекательной оказывается идея «спасения в миру», которая особенно акцентирована в Пространной редакции «Жития Юлиании Лазаревской»³.

Вторая половина XIX в. отмечена подъемом общего интереса к национальному прошлому России. Именно в это время открыты древнерусская литература, живопись, архитектура, музыка. На 1860—1880 годы приходится широчайшая деятельность по собиранию, изданию, исследованию, популяризации памятников древнерусской литературы. В 1860 г. вышли «Памятники старинной русской литературы»⁴, в первом выпуске которых опубликована «Повесть об Улянии Муромской», особый вариант, без вступления.

В 1862 г. в журнале «Современник» за январь появилась в свет драматическая хроника А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» о трагических событиях Смутного времени. Пьеса задумана еще в 1856 г. после поездки на Волгу, в Нижний Новгород. Среди источников, которыми пользовался Островский, исследователь его творчества начала XX в. Н. П. Кашин называет «акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографического экспедицией», 1836 г. издания, где в третьем томе помещены царские грамоты в Муром, из которых ясно, что Калистрат (Дружина) Осорьин в 20—40-е г. XVII в. был губным старостой города Муром; летописи, в частности, «Никоновскую», «Новый летописец», «Летопись о многих мятежах». Создавая образ боярской вдовы Марфы Борисовны, жертвующей для общего дела земства — формирования ополчения — все оставшиеся от мужа богатства, великий драматург, по всей видимости, обращался к «Житию Юлиании Лазаревской»⁵.

Хотя текста этого памятника нет в библиотеке Островского, в которой есть вышеупомянутые издания актов и летописей, видимо, текст «Повести» в издании Кушелева-Безбородко был ему известен. В то время «Памятники старинной русской литературы» были крупным литературным явлением⁶.

Кроме того, действие драматической хроники проходит в тех местах, где было нижегородское имение Осорьиных — Бочнево. Островский бывал в этих местах и мог слышать что-то о роде подвижницы, о ее деяниях.

Образ Марфы Борисовны очерчен не совсем четко, но аскетические черты, подвижнические мотивы отражены ярко. О ней говорят — «святая женщина». «Вся жизнь ее есть Господу хвала»,

³ Руди Т. В., Соколова Л. В. Осорьин Калистрат (Дружина) Георгиевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 432.

⁴ Повесть об Улянии Муромской // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 1. С. 63—67.

⁵ Кашин Н. П. Этюды об А. Н. Островском. М., 1912. С. 176.

⁶ Там же. С. 179.

«...что день, то новый подвиг». «Спроси сирот, спроси убогих, нищих, чьей милостью и сыты и одеты». Она «чернице не уступит смирением, пощеньем и молитвой. И весела всегда»⁷. Стоит вспомнить эпизод «Жития Юлиании», где изображена ее деятельность в голодные годы. Невзгоды ее только укрепили духовно. Так и Марфа Борисовна и мяса-то не ест, но остается «весела». В ней нет ничего ханжеского.

Во втором действии хроники Островский показывает простую бревенчатую светлицу в тереме, где на поминальный обед, устроенный боярской вдовой, собрались сподвижники Минина и где он произносит речь о создании ополчения и о сборе средств для него, об освобождении Руси от иноземцев. Марфа Борисовна первой откликается на это благое дело:

«Мое желанье было —
Снести казну, избавиться заботы,
Да в монастырь, на тихое житье,
Пройти отсюда прямо, уж домой
Не заходить; да после рассудила,
Что надо будет богу послужить
Еще в миру пока. Сберется войско,
Постой да корма им нужны будут:
Дом у меня большой, народу много
Поставить можно. Надо приглядеть
Да присмотреть самой.

В эпилоге, когда ополчение собрано, отправляется в поход из Нижнего Новгорода, Марфа Борисовна, провожая ополченцев, выражает намерение уйти «прочь от мира»:

...Из дома
Сегодня вышла я в последний раз
Вот постою с народом и глазами
Своими посмотрю, как избавленье
Пойдет на Русь святую; прошепчу
Молитву, да и в келью, прочь от мира.

Во второй редакции Островский несколько меняет акценты. В образе Марфы Борисовны драматург устранил черты аскетизма.

Я не нашла прямых высказываний Островского о том, что он пользовался «Житием Юлиании». Его драматическая хроника — творческое переосмысление нескольких исторических источников. Его задача — средствами художника показать идеальный женский характер, высокие нравственные качества, силу подвижнического служения добру, умение сострадать, жертвенность. Эти черты присущи русской женщине в ее лучших проявлениях, что привлекало писателей XIX в.

В восьмидесятые годы XIX в. текст «Жития Юлиании Лазаревской» опять оказывается в центре внимания. Над его переложением трудится исследовательница русской литературы Екатерина Степановна Некрасова (1847—1905 г.)⁸. В 1880—1890-е годы она печаталась в ведущих журналах — «Отечественные записки», «Русская старина», публиковала статьи о творчестве Герцена, Ростопчиной, Лермонтова, Гоголя. Вела решительную борьбу с лубочной литературой, выступая за то, чтобы народные книги для чтения были по-настоящему художественными. Интересно отметить, что писательница сотрудничала в созданном В. Г. Чертковым при участии Л. Н. Толстого издательстве «Посредник», для которого и подготовила переложение «Жития Юлиании Лазаревской». Напомню, что издательство «Посредник» — просветительское. Главная цель его — издание доступной для народа по цене художественной и нравоучительной литературы. Л. Н. Толстой направлял работу издательства, редактировал, писал статьи, предисловия, напечатал несколько своих произведений, в том числе «Круг чтения».

⁷ Островский А. Н. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. С. 162—211.

⁸ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. М., 1963. Т. II. С. 13.

Хочу подчеркнуть, что и рукопись Некрасовой редактировал Л. Н. Толстой, «Житие» было ему известно. Осталась переписка. В. Г. Чертков писал 14 февраля 1886 г. Л. Н. Толстому о посылке ему новой работы Е. С. Некрасовой с просьбой о редактировании. Л. Н. Толстой правит рукопись. В архиве Черткова есть письмо Некрасовой от 17 февраля 1886 г.: «Передайте Льву Николаевичу мою большую благодарность за все поправки. Для меня в них много радости»⁹. Она переписывает повесть с учетом правки великого мастера. Рукопись вновь поступает в редакцию.

Однако Л. Н. Толстой был, очевидно, недоволен переложением «Жития». Уже в марте он писал Черткову: «...положительно Юлиания Лаз[аревская] совсем не годится. Пишу обдуманно. Если увижусь с Некрасовой, так и скажу ей. Все жития, как только переводятся на простой язык, так сейчас поражают своей искусственностью. Только на славянском или древнем они читаются и этим обманывают»¹⁰.

Известно, что Толстой высоко ценил церковнославянский язык, настойчиво и многократно высказывал убеждение в необходимости специального изучения в народной школе церковнославянского языка. Здесь можно видеть определенное противоречие. Все жития издаются в «Посреднике» в переложении на «простой язык». Однако житийная литература не занимает в «Посреднике» ведущего места. Общая направленность житийных публикаций — обнаженность учительной тенденции, иллюстративность сюжета, отсюда невольное языковое и фабульное упрощение, исключение «чудес», освобождение от книжной символики, что не только разрушало стилистику памятников, но и обедняло их содержание¹¹. Слова Л. Н. Толстого «Юлиания совсем не годится» относятся, на мой взгляд, не к образу древнерусской подвижницы и не к христианскому идеалу русских житий в целом, а к тому просторечному стилю, который использует Е. С. Некрасова в переработке «Жития Юлиании Лазаревской», разрушив его стилистику.

Л. Н. Толстому не удалось высказать лично свое мнение Некрасовой о повести. Между тем не исключено, что в этом произведении были достоинства, не позволявшие редакции «Посредника» вернуть ее автору.

Осенью 1886 г. повесть Е. С. Некрасовой редактирует Чертков. Сделав значительные поправки и сокращения, он предлагает Екатерине Степановне напечатать ее. Е. С. Некрасова 14 ноября 1886 г. отвечает ему: «Вы верно забыли, что рассказ об Юлиании вы уже присылали мне с поправками Льва Николаевича Толстого. Помните — я тогда даже вторично переписала его»¹². А в письме от 21 ноября исследовательница замечает: «...Из повести вынуто, в ы б р а н о (разрядка автора. — О. Х.) все то, чем она в моих глазах имела цену, почему она была моя». Писательница отказывается ее печатать.

Однако это произведение все-таки увидело свет в 1887 г. без имени автора под заголовком «Юлиания Лазаревская. Повесть об ее жизни»¹³. Опубликовано оно в побочной серии «Посредника», то есть без его знака фирмы и обычного девиза — «Не в силе Бог, а в правде». И, конечно, без указания, что редактором был Толстой. В переработке «Жития Юлиании Лазаревской» Е. С. Некрасова следует за вариантом Пространной редакции (без авторского вступления), где акцентируется мысль о спасении в миру. Источник не указан. Публикация в «Посреднике» отвечает целям — печатать нравоучительную доступную простолыдину литературу. Древнерусский памятник осовременен, но не переведен буквально. Сохранена сюжетная канва «Жития». Повествование драматизировано, много диалогов, монологов. Подчас звучат трагические ноты. Полностью исключена религиозная символика, чудесная помощь святителя Николая, бесовские искушения. Перед нами бытовая нравоописательная повесть. Композиция — рассказ о жизненном пути женщины с детства до смерти. Повествование разбито на 7 глав. Начало повести: «В старину на Руси царствовал Грозный царь Иван Васильевич.

⁹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. М.; Л., 1928–1958. Т. 85. С. 328.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гродецкая А. Г. Древнерусские жития в творчестве Л. Н. Толстого 1870–1890-х годов. АКД. СПб., 1993. С. 7–8.

¹² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 85. С. 328.

¹³ Там же. С. 328–329.

При дворе у него служил ключник, по имени Юстин, по фамилии Недюрев. У ключника была дочь. Ее звали Юлиания. Шести лет Юлиания осталась круглой сиротой — ни отца, ни матери»¹⁴. Далее повесть рассказывает о жизни Юлиании в семье тетки Натальи Араповой. Подчеркивается, что Юлиания «от природы была девочка добрая, трудолюбивая». «Завидит нищего бежит сунуть хлеба или копеечку. С утра до вечера за делом, то слугам по хозяйству помогает, то сидит за какой-нибудь работой». «Работает, словно холопка какая, — говорили про нее двоюродные сестры: — Вишь рукодельница! С раннего утра до поздней ночи рук не покладает — уж больно задельна — смеялись над Юлианией» И вывод: «Много насмешек приняла она за свою любовь к труду». Обращаю внимание, что в памятнике XVII в. этот мотив имеет иной акцент: молитвенность и трудолюбие вызывают насмешки. «Рабы» смеются над больной Юлианией, встающей ночью на молитву.

Уже в приведенных цитатах из повести «Посредника» видно, что стиль изобилует просторечием — «сунуть», «задельна», «без отгиба», «вишь».

Принцип изображения — контраст. Юлиания противопоставлена двоюродным сестрам, бездельницам.

Вторая часть повести — рассказ о замужестве Юлиании. Главное — Юлианию приняли в новой семье. Молчание названо «великой семейной добродетелью». Юлиания научилась побеждать людей кротостью.

В диалоге свекра и свекрови — восхищение скромностью, трудолюбием молодой невестки. Свекор назван «Матвейчем», изображен вспыльчивым, раздражительным. На робкое замечание жены:

«По хозяйству на мне много забот лежит. Года мои преклонные, конец не далек. Потому мне молиться надо, грехи замаливать.

Он взорвался:

— Молиться, молиться!

Передразнил старик. Остановился, подпер руки в бока, и, злобно смеясь продолжил.

— Молись! Кто мешает. Хоть лоб расшиби, молись! — Закричал он на жену.

— Мешать, Матвейч, никто не мешает — еще тише заговорила жена. Да забот на мне много: мирских, греховных».

Завершается эта глава выводом: «На другой же день все хозяйство в богатом доме бояр Осорьиных, где одних слуг надо было считать десятками, перешло в руки Юлиании».

Третья глава посвящена отношению со слугами: с сеньными девушками и дворовыми. Нарисована идиллическая картина: «...с утра вся прислуга у нее нарядно оденется, поест, попьет и весело идет на работу. Всякое дело в руках спорится, на лад идет. Не надо Юлиании кричать и браниться. Один только был молодой парень, садовник Андрей, не поддавался ее кроткому обращению. Нет, нет и по-прежнему то с работы тихонько убежит, то стянет что-нибудь из барских хором, то ссору с кем-нибудь затеет, до крови избьет». Но Юлиания надеялась и его переделать кротостью. «Сколько раз маменька его на конюшню отправляла, а все толку никакого не вышло, — говорила она, авось кротостью изменю его нрав». Характер героини повести раскрывается через внутренние монологи и через характеристику других персонажей. Примечателен рассказ сеньной девушки: «Вы вот все хвалите боярыню, а вам про нее не знать того, что я знаю. Святая она, да говорить про себя не велела».

В своей переделке «Жития Юлиании Лазаревкой» Е. С. Некрасова следует за самыми драматичными эпизодами древнерусского памятника. Публикация «Посредника» подробно изображает гибель двух сыновей Юлиании. Автор повести дает им имена. Сын Ваня погиб на войне. Героиня проявляет стойкость душевную. Она размышляет о войне. После трагической гибели другого сына Владимира от руки злого садовника Андрея Юлиания задумывается о природе зла. Она думает о пути спасения от греха. У нее возникают мысли об уходе в монастырь.

¹⁴ Повесть цит. по изд. «Посредник». 1887. С. 3–36. Выражаю благодарность сотруднице научной библиотеки Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве Валентине Степановне Бастрыкиной за помощь в работе над текстом уникального издания.

Следующий эпизод повести доказывает то, что в переложении «Жития» Е. С. Некрасова следовала за Пространной редакцией.

Повесть «Посредника» называет мужа Юлиании — Юрия Осорбина — человеком умным, начитанным, хорошо знавшим Священное писание. «Ты хочешь идти в монастырь?» — сказал он. Да, — отвечала Юлиания решительно. — Ты хочешь бросить меня?.. хочешь бросить детей? Юлиания молчала. — Юлиания!.. Юлиания! Я не могу без тебя. Он замолк, отошел к окну, украдкой отер смоченное слезами лицо и, успокоившись, сел и начал снова: «Знаешь ли, что святые отцы в своих писаниях не благословляют на такое дело? Слыхала ли когда-нибудь, что говорит Косьма Пресвитер? Черные ризы — говорит он, — не спасут нас». И далее: «Косьма Пресвитер не благословляет на такое дело семейного человека. Он прямо называет монастырь для семейного человека “грехом”. Сомневаешься? Ну так вот, погоди». Он встал и достал книгу. Книга была заложена толстой шелковой голубой лентой с золотыми краями. И начал читать: «”Худо делают те родители, которые удаляются в монастырь от бедности и бросают детей без призора. Дети плачутся на них перед Богом...” Долго еще читал Юрий и долго уговаривал Юлианию». Она осталась в семье.

Повесть «Посредника» исповедовала идеал служения ближнему в миру, об отношениях с церковью нет и речи. Героиня показана через добрые дела, заботу о других, но не молитвенницей, хотя и говорится, что она — святая, богомольная.

Еще раз подчеркиваю, что «простой язык», то есть просторечная лексика, просторечные обороты, значительно обеднили средневековый памятник, сделав его бытовой повестью. Это, конечно, не могло удовлетворить Л. Н. Толстого.

В творчестве Л. Н. Толстого «Житие Юлиании Лазаревской» нашло отражение в иной форме, не прямо, а опосредованно, на образном уровне. Хотя писатель больше интересовался раннехристианскими житиями, облик древнерусской праведницы Юлиании проступает в чертах Пашеньки из его повести «Отец Сергей».

В «Отце Сергии» уже первые читатели увидели попытку возродить жанр жития¹⁵. Радикально переосмыслив сюжет «Жития Иакова Постника», Толстой создает «сложнейший психологический узор, используя не только сюжетную канву раннехристианского жития, но и его нравоучительную тенденцию — обличение гордыни. Но писатель разошелся со своим источником в самом важном — в понимании «богоугодной», то есть нравственной жизни¹⁶. В проложном «Житии» Иаков, впав в отчаяние после совершенного преступления, поселяется в миру, но спасения не находит. Лишь вновь став отшельником, он постом, молитвами, покаянием пытается искупить свое падение. У Толстого иной идейный и сюжетный поворот, связанный с возможностью спасения в миру.

Повесть «Отец Сергей» — сложное, многогранное произведение. Его мотивы — развенчание мирской славы, критика монастырской жизни, отшельничества, лицемерного ухода от людей. Для понимания эстетической ценности повести важен образ Пашеньки, которая «представлялась отцу Сергию спасением». Он в сонном видении переносится в годы детства и вспоминает девочку с большими кроткими глазами и робким лицом. Над девочкой смеются¹⁷. Кротость, смирение, терпеливое отношение к жизненным невзгодам сближают Пашеньку с Юлианией. Обе они неліцемерно, искренне следуют евангельским заповедям.

Пашенька служит людям и тем самым Богу, не помышляя об уходе в монастырь. Не случайно Толстой приводит своего героя к размышлению: «Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей»¹⁸. В финале повести отец Сергей обретает Бога, находит спасение в миру, а не в затворе. Он поселяется в Сибири, «работает на огороде и учит детей, и ходит за больными».

¹⁵ Купрянова Е. В. Эстетика Толстого. М.; Л., 1966. С. 285.

¹⁶ Там же. С. 282–283.

¹⁷ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 44.

Создавая образ Пашеньки, Толстой вполне мог опираться на «Житие Юлиании Лазаревской» наряду с раннехристианскими житиями.

В образе Юлиании, подвижницы в миру, Толстого не могло не привлечь: 1) трудолюбие; 2) кротость; 3) нестяжание; 4) добрые дела; 5) искренняя вера; 6) сокрушение о своих грехах; 7) терпение.

Все эти черты воспроизведены в Пашеньке и в главном герое, изображенном в финале.

Так во второй половине XIX в. русская литература обращается к древнерусской как к важнейшему психологическому источнику в поисках нравственного возрождения и оздоровления современного человека¹⁹.

¹⁹ См. об этом также: *Кусков В. В.* Связь времен: о связях древнерусской литературы с литературой Нового времени — XVIII — первая половина XIX века // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996. № 4. С. 32.

